

Аманда Франкон

Я жена злодея?!
Требую развод!

Аманда Франкон

Я – жена злодея?

Требую развод!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69859588

SelfPub; 2023

Аннотация

Это же надо было так попасть! Мало того, что в мир мрачного, жестокого романа, так еще и в тело жены главного злодея, которая умрет раньше, чем герой успеет расправиться с ним. Погибнет от руки собственного тирана-мужа. Нет уж, я себе такой судьбы не желаю: если появился второй шанс на жизнь, значит, прожить ее надо долго и счастливо. Именно поэтому я требую развод!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	43
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Аманда Франкон Я – жена злодея? Требую развод!

Глава 1

В ушах шумело – как будто море – и тело пробивал озноб. Откуда в сибирском городе взяться морю? Наверное, я голову повредила.

С трудом приоткрыла глаза и увидела мужчину. Вернее, его уверенный профиль. Мрачное выражение лица, плотно сжатые сухие губы, орлиный нос и глаза – ярко-голубые. Надо же, какой красавчик. Эх, была бы я лет на пятнадцать помоложе, то... А впрочем, какая разница? Спасибо надо сказать, что он меня, бабку старую, да еще и при смерти, вообще куда-то тащит.

Холод становился невыносимым, и я вздрогнула. Заметив это, незнакомец плотнее укутал меня в тонкий плащ и пошел дальше. На лице не дрогнул ни один мускул – как будто на нем металлическая маска. Я хотела осмотреться, но голова закружилась, мысли потекли медленнее, а потом сознание снова оставило меня.

Тело снова ломило, боль скопилась где-то в районе сердца и растекалась по груди, обжигая легкие и даже живот. Во всем теле чувствовалась ужасная слабость, в закрытые глаза бил солнечный свет. Открывать их и осматриваться я не стала. Что я увижу вокруг – больничную палату? Не очень-то и хочется. Но я наверняка в больнице. Выжила. Впрочем, не удивительно – в двадцать первом веке умереть от одного выстрела из пистолета было бы как-то глупо.

Память будто подернулась серым дымом, но я постепенно начала выживать из нее все, что произошло недавно. Насколько, интересно, недавно? Сколько я уже валяюсь в больнице? Впрочем, это не так уж и важно. Главное, что живая.

Итак, утро началось как обычно: почти два часа доказывала начальнику кампании, что публиковать интервью с эскортницей, которая ему так понравилась, мы не можем, потому что это разрушит репутацию нашего издания. Новостного издания, между прочим! Эх, и о чем я думала, когда согласилась стать главным редактором этой дыры? Директор идиот, вечная текучка журналистов, которых каждый раз надо заново учить, да еще и холод этот собачий, сибирский. Купилась на зарплату, идиотка. Ну кто же знал, чем все кончится?

В обед ходила в кофейню, видела там какого-то подозрительного мужика. Ему на вид лет тридцать, но морщин больше, чем у меня, прожившей почти пол века. Тогда я на него внимания не обратила. А вечером, за час до конца рабоче-

го дня, началось: вбежал наш фотограф и сказал, что на соседней улице какой-то идиот начал стрелять. Зачем я туда рванула? За сенсацией, чтобы привлечь внимание к нашему сайту? Да ну, себе-то уж могу не врать. На самом деле мне ведь просто было очень скучно.

На соседней улице, почти во дворах, толпились люди. И все снимали, целая куча камер, телефонов. Я пробилась, одному пареньку чуть глаз удостоверением журналистским не выцарапала – случайно, вроде бы. На земле лежал человек. Когда я вспомнила о нем, в голове стало понемногу проясняться. Перед внутренним взором появилась четкая картина: кровь вперемешку с весенней грязью на асфальте, кровь на черных волосах и молодом лице. Мужичку на вид, кажется, лет тридцать пять. Красивый, широкоплечий, в джинсах и светло-синей рубашке навыпуск. Он не дышал, вдалеке уже свистели сигналы скорой. Я подбежала к нему в каком-то странном порыве, хотела проверить пульс, даже руку его взяла – уже прохладную, грубоватую.

А потом подняла глаза и встретила взглядом с тем странным типом из кафе. Он выглянул из-за угла, ослабил-ся, в улыбке недоставало переднего зуба. И направил на меня дуло пистолета. Потом – хлопок и забвение.

И ведь если бы не скука, которая одолевала меня в последние пару лет, ни за что бы не полезла в такое опасное дело! Вот выпишусь из больницы и уволюсь к чертям! Пойду специальным корреспондентом в географическое общество.

Платят совсем мало, зато разъезды постоянные, экспедиции – красота! И пусть мне почти сорок девять, но это не значит, что пора завернуться в саван и в сторону кладбища ползти. Не зря же спортом всю жизнь занималась – во мне энергии больше, чем в иных молодых!

Приняв решение, я попыталась пошевелиться, и волна боли накрыла с головой. Из горла вырвался слабый, хриплый стон.

– Госпожа пришла в себя! – прозвенел девичий голос прямо над ухом.

Интересная у них тут клиника. Они всех пациентов «госпожами» и «господами» называют?

Я приоткрыла глаза и тут же снова зажмурилась, чтобы защититься от яркого света. Тонкая девушка, которую я из-за яркого солнца не сумела толком разглядеть, бросилась к окну и задернула плотные шторы. Комната погрузилась в приятный полумрак, и я наконец-то смогла осмотреться. И обалдеть от увиденного.

Роскошная спальня. Мебель из темного дерева с бархатной зеленой обивкой, в тон ей – шторы, расшитые тонкими золотыми узорами. Стены тоже отделаны полированным деревом мягкого бежевого цвета, с красивой резьбой в виде тонких цветов и выющихся стеблей с пышными листиками.

Я лежала на кровати, укрытой мягким прохладным покрывалом цвета темного золота, выкрашенный в белый цвет потолок украшала вычищенная до блеска люстра – то ли то-

же золотая, то ли с позолотой. Худенькая девица – лет шестнадцати на вид – глядела на меня карими глазами, огромными от испуга. Серое платье на ней висело, как на пугале, а беленький фартучек оказался испачкан чем-то бледно-зеленым.

– Как вы себя чувствуете, леди Даркрайс? – спросила она. Голос, без того тоненький, дрогнул то ли от страха, то ли от почтения.

– Где, я, черт подери? – я всегда выражала эмоции без стеснения, и в этот раз от удивления совершенно не могла себя контролировать.

– Вы в Черной роще, в замке вашего супруга... в своей спальне, – запинаясь, ответила девушка и сжалась, будто ожидая, что я ее ударю. Ну что за глупости, чего она боится? Я ведь даже руку поднять не могу от слабости.

Погодите-ка... Какая еще «Черная роща»? Частный санаторий какой-то, что ли? Если и так, то очень дорогой санаторий. Но это еще ладно, напрягает другое – я не замужем и за все долгие, наполненные поездками годы жизни никогда там не была. И фамилию столь экзотическую никогда не носила. Всю жизнь оставалась Дарьей Борицыной.

– Леди Даркрайс, с вами все в порядке? – прошептала горничная, крадучись приближаясь ко мне.

Да что здесь происходит?!

Я лишь кивнула девушке и устало повалилась на подушки. Стоило бы попросить, чтобы она позвала еще кого-нибудь,

но ни разговаривать, ни видеть кого-то не хотелось.

Уперлась взглядом в потолок, проследила вензельки и украшения на золотой люстре, и вдруг вспомнила. Граф Даркрайс – злодей из книги, которую я дочитала вчера вечером. Вернее, вечером перед тем, как в меня выстрелили. А леди Даркрайс... вспомнив ее историю, я ощутила, как по коже бегут мурашки. Она – его жена, подельница в темных интригах, которую антагонист не любил, но использовал в своих целях. Когда Даркрайс влюбился в главную героиню романа, он потребовал развод, но не смог добиться его от местных священников, и тогда убил супругу. Эта сцена показалась мне в романе самой жуткой: он занес над девушкой кинжал, а она лишь раскинула руки и улыбалась, когда лезвие пронзало ее горло.

Занимательная книжечка, хотя ее название почему-то упорно ускользает от памяти. Но причем здесь я?

– Какое сегодня число? – спросила я у девицы, которая так и стояла неподалеку от моей кровати, вытянувшись в струнку, как солдат.

– Тринадцатый день золотого солнца, года тысяча триста сорок восьмого от изгнания тьмы, – отчеканила незнакомка.

«Золотое солнце» – это название первого весеннего месяца в романе. Происходило оно, насколько я помню, от того, что именно этот месяц чаще всего оказывался наименее дождливым, и солнце казалось местным жителям особенно ярким после затяжной зимы. И все же – это какой-то розыг-

рыш?

– Мне нужно зеркало, – потребовала я.

Горничная – а если принять на веру то, что сейчас я второстепенная героиня романа, это именно она, – бросилась куда-то вправо и приволокла тяжелое стекло в серебряной оправе. Аккуратно водрузила его на кровать и поддерживала так, чтобы я могла себя увидеть. И я смотрела – долго, не в силах закрыть рот от удивления. А на меня в ответ пучила голубые глаза молоденькая девушка лет двадцати на вид. Ее медно-рыжие волосы мягкими волнами стелились по подушке и покрывалу. Тонковатые, но изящные губы едва заметно скривились от удивления, вздувались от тяжелого дыхания тонкие ноздри на длинноватом носу, под бледными острыми скулами лежали глубокие тени.

Не могу в это поверить. Нет, это точно не я! Даже в молодости на эту девицу совершенно не была похожа – красилась в черный, занималась спортом, и даже в лучшие годы я отличалась от незнакомки в зеркале так же, как атлетка от балерины. Конечно, в молодости я была очень привлекательной девушкой, но никогда не походила на тонкую эльфийку. Из общего у настоящей меня с отражением пожалуй только длинноватый нос и соколиный разлет густых бровей.

Но это же глупость! Невозможно!

Я ощупала лицо руками – гладкая кожа без единой морщинки, длинные пальцы с острыми костяшками, совсем без родинок – любая азиатка обзавидовалась бы. Потрогала во-

лосы – густые, гладкие, блестящие. Сердце в груди забилося еще сильнее от паники, и вскоре я уже не могла смотреть не все, что меня окружает – зажмурилась и уткнулась лицом в подушку.

Нет, нет, нет... это глупость и сказки. Такое бывает только в фэнтезийных книгах, к которым я пристрастилась в последнее время. Много их прочитала и... точно! Наверное, я после ранения в коме или брежу, вот и снится мне всякая ерунда. Логично, ведь последней я читала именно книгу про Марию Лайтнер, за которой маниакально охотился Даркрайс. Я очень сочувствовала его жене – несчастной женщине, которая не сумела противостоять своим чувствам, вот и представляю себя теперь на ее месте.

Найдя всему объяснение, я немного расслабилась и хотела подняться с кровати, но усталость взяла свое и я снова провалилась в небытие.

На этот раз в сознание меня выдернул резкий мужской голос.

– Она до сих пор не пришла в себя? – мужчина говорил без тени беспокойства, но интонации звенели как сталь.

– Нет господин, вчера днем она очнулась. Спросила, какое число и потребовала зеркало, а после того, как увидела свое отражение, снова потеряла сознание, – отчиталась девушка – судя по голосу, та же, с которой я недавно беседовала.

– Хорошо. Когда проснется – сразу доложите мне, – отчеканил незнакомец.

Послышался мягкий стук шагов. Погодите-ка! Если девушка называет этого мужчину «господином», значит, скорее всего, это...

– Граф, постойте, – просипела я, еще не успев открыть глаза.

Звук шагов затих, затем медленно приблизился. К тому моменту, когда я сумела сфокусировать взгляд, передо мной уже стоял главный злодей романа – красавец-шатен со светло-голубыми, почти белыми глазами. Я вспомнила его лицо – видела, когда он нес меня от... моря? Судя по тому, что было описано в книге, его поместье находилось рядом с морем и непроходимым мрачным лесом.

Заметив на моем лице легкую растерянность, Даркрайс обернулся к горничной и приказал ей оставить нас наедине. Девушка тут же выскользнула за дверь, а он, педантично поддернув брюки, сел на краешек моей кровати. Внимательно оглядел меня, будто выискивая признаки плохого самочувствия, и, очевидно, найдя их в глубоких тенях под глазами и нездоровой бледности, слегка нахмурился.

– Вы помните, что случилось на побережье? – тихо спросил он, при этом глубокая морщина меж нахмуренных бровей ни на мгновение не разгладилась.

Я лишь покачала головой.

– Помню только, как вы несли меня, завернутую в плащ. Как вы меня нашли? Что случилось?

Я старалась задавать вопросы так, чтобы не вызывать из-

лишних подозрений. Раз уж забавная галлюцинация продолжается, почему бы не сыграть по новым правилам? В конце концов, это даже забавно и наверняка совсем скоро закончится.

– Слуги сказали мне, что вы отправились на прогулку по тропе, ведущей к побережью. Долго не возвращались, так что я пошел вас искать. И как ни странно, обнаружил свою дражайшую супругу, графиню Даркрайс, на камнях в нескольких метрах от берега. Без сознания, – губы графа на миг саркастично искривились, но он тут же вернул лицу совершенно бесстрастное выражение.

Язвит он мне, засранец! Женщина попала в такую опасную ситуацию, может, ее хотели убить, а все, что он делает – это шутит мрачные шуточки! Похоже, я начинаю понимать, почему именно этот тип сыграл роль полубезумного антагониста.

Истолковав мое молчание как-то по-своему, Даркрайс продолжил:

– Я старался не обращать внимания на ваши неуместные шуточки о смерти и самоубийстве, но вы зашли слишком далеко. Мало того, что в самом деле едва не покончили с собой, так еще и могли покрыть позором нашу фамилию. Как я, по-вашему, должен защищать границы страны от демонов, если собственную супругу защитить не способен?!

Ах вот оно что! Честь рода его беспокоит больше, чем здоровье собственной жены, пусть и нелюбимой. Какой же мерз-

кий мужчина. А я еще симпатизировала ему, когда читала книгу, тупица.

– Я вовсе не собиралась умирать! – с чистой совестью выпалила я почти без хрипов. Голос внезапно окреп от уверенности в собственных словах. О попытках суицида жены Даркрайса в книге ничего не говорилось. Напротив, она старалась блюсти честь фамилии так же рьяно, как и ее супруг. – Но я совершенно не помню, что произошло.

Граф на миг расслабился, но через мгновение нахмурился снова и резко поднялся.

– Я временно запрещаю вам покидать стены замка. Когда сможете гулять по саду, вас будут сопровождать мои рыцари, – отчеканил он и повернулся спиной, намереваясь уйти.

– Говорите так, будто я – в моем-то состоянии – способна уйти дальше уборной, – фыркнула я, сложив руки на груди. – Простой просьбы было бы достаточно.

Даркрайс обернулся и еще раз внимательно меня оглядел, удивленно вскинув брови. Да, знаю, Беатрис – его настоящая жена – так себя не вела. Но я-то не она.

Больше мы не обменялись ни словом – граф покинул комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь. Из-за стены донесся его зычный голос.

– Клейтон, выдели три патруля на осмотр западной... – голос вместе со своим обладателем унесся куда-то в даль коридоров, а я снова осталась в тишине.

Какой все же отвратительный мужик. Глядя на него, на-

чинаю вспоминать, почему на все предложения рук, сердец и остальных органов я отвечала отказом: все мужчины, которые мне были хоть сколько-нибудь интересны, всегда оказывались такими вот авторитарными. А жить по чужой указке я всегда ненавидела.

От света, даже приглушенного плотными шторами, все еще немного рябило в глазах, так что я зажмурилась и повернулась на бок, плотнее укутываясь в покрывало, под которым лежала теперь.

Ситуация все еще казалась мне забавной и даже интригующей. Когда я читала роман, то судьба главной героини тронула меня гораздо меньше, чем история Беатрис Даркрайс. Эта женщина так сильно любила своего мужа, что делала ради него все. А когда он занес над ее шеей кинжал, даже не попыталась защититься – смерть от его руки приняла как благословение. Но вот мотивов ее поступков я совершенно не понимала. Граф ими тоже не интересовался – просто пользовался услугами верной соратницы, которая и яду незаметно подсыплет, и информацию выведает, даже если придется ради этого лечь в постель с другим мужчиной. И теперь, раз уж мое воображение поставило меня на место этой страдалицы, я могу попытаться изменить ее судьбу. А заодно посмотреть, как повернулся бы из-за этого сюжет. Если, конечно, не приду в себя раньше, чем все это закончится.

Проснувшись в третий раз, я сразу осознала, что все еще

нахожусь в своеобразном коматозном сне. Это стало ясно, как только, повернувшись, я ощутила прикосновение дорожной ткани к коже и странную легкость во всем теле. А еще пленительный запах свежей выпечки и молока.

Открыв глаза, я обвела взглядом уже знакомый интерьер. И наткнулась на поднос с завтраком, который стоял на прикроватной тумбе. Помимо двух свежих булочек и маленькой белой чашки с гнутой ручкой его украшала вазочка с букетом цветов.

Я прикрыла глаза и блаженно потянулась, с удовольствием отмечая гибкость и подвижность тела. В реальности я пусть и оставалась в хорошей форме благодаря тренировкам, но все же не могла избежать некоторой скованности, которая появлялась с возрастом.

Утро прошлой жизни пахло крепким дешевым кофе и сигаретами с ванилью, щебетало весенними голосами птиц за окном, которые разбавлял гул старого рабочего компьютера. Я пинала системник в надежде, что он заткнется. Помогало всего на несколько минут, а потом он продолжал о чем-то по-дедовски ворчать.

Сегодняшнее утро походило на предыдущие, пожалуй, только голосами птиц. Бархатное спокойствие, утренняя свежесть бьет прямо в открытое окно, в комнате витает терпкий аромат полевых цветов. Интересно, откуда они? И почему полевые, а не из клумбы в саду?

На миг представила, как граф Даркрайс в своем дорогу-

щем костюме бродит по полю, отцепляя от брюк колючки, в поисках скромных диких васильков или ромашек, и приснула в кулак. Нет уж, вряд ли это возможно. По крайней мере, для меня он так стараться точно не станет.

Осознав, что валяться в кровати мне надоело, поднялась и покачнулась. Голова закружилась, но приступ слабости быстро прошел. Неосторожным взмахом руки я задела маленький колокольчик, но быстро поймала его и прижала пальцами язычок, чтобы не звенел. Очевидно, с помощью этой милой вещицы полагалось звать горничную, но я решила, что сейчас лишнее внимание мне ни к чему.

Посмотрела на еду, но спешить не стала. Куда больше, чем голод, меня мучило любопытство. И пусть я понимала, что все вокруг – лишь игра травмированного мозга, мне хотелось осмотреться и узнать хоть что-нибудь о предыдущей «владелице» тела.

Оглядевшись еще раз, я наткнулась на еще одно зеркало – большое, ростовое. К нему и подошла, внимательно себя разглядывая. Что ж, не так уж и плохо. После «смерти» я стала обладательницей изящного, по-эльфийски стройного и гибкого тела, которое сейчас скрывала только просторная белая сорочка с кружевами, подол которой едва не подтирал пол.

Прижала ткань руками за спиной, так, чтобы она плотно облегла тело, и оценила фигуру еще раз. Маленькая упругая грудь, тонкая талия, но широкие бедра и сильные даже на вид ноги. Медно-рыжие локоны спадали на тонкие ключи-

цы, еще сильнее подчеркивая идеальную бледность тонкой кожи, сквозь которую на шее виднелись синие венки. И теперь, вспоминая себя в юности, я видела между нами гораздо больше сходства: моя кожа тоже почти никогда не загорала, и только с годами я научилась не получать солнечные ожоги каждый раз, когда выхожу на улицу.

При виде этого тела вспомнились и некоторые характеристики леди Даркрайс, которые давала ей писательница: моя героиня, стесняясь непропорциональности фигуры, старалась визуально увеличить лиф с помощью кружев, подчеркнуть талию, а бедра скрыть под пышной юбкой, чтобы создать привлекательный силуэт. В противовес ей главная героиня всегда одевалась скромно, но благодаря природным данным все равно выглядела сногшибательно. Впрочем, какое мне дело до местной главной героини? По сути, моя задача – добиться развода, найти источник заработка, а муж пусть волочется за этой блондинкой. Может, без балласта в моем лице у него что-то да получится и сюжет повернет в совершенно новое русло?

Приободренная хорошей идеей, я продолжила осматривать комнату в надежде, что смогу понять, какой была Беатрис. В книге говорилось лишь о том, как она помогала мужу в его «темных» делах, но ни слова не было сказано о том, как леди коротала будние дни.

На столе в беспорядке валялись бумаги. Просмотрев их, я обнаружила обрывки незавершенных стихов и акварели,

брошенные на стадии набросков. На картинках леди, похоже, хотела изобразить цветы или сад, но остановилась, не продвинувшись дальше пары широких штрихов зеленой и розовой краской. Стихи тоже не показались мне оригинальными: что-то о любви, о девичьем долге перед семьей. Строки заканчивались рифмами на глаголы, которые к тому же неприлично часто повторялись. Похоже, творческими талантами Беатрис была обделена. В противовес главной героине, опять же, которая, насколько я помню, зачитывала на светских вечерах сочиненные ею стихи.

Разложив бумаги на столе в две аккуратные стопки, в одной из которых оказались исписанные черновики, в другой – рисунки, я переместилась к шкафу. Не отказала себе в удовольствии провести рукой по темному полированному дереву, разогретому утренним солнцем, и улыбнулась. Но в следующий миг меня обдало холодом от тревожного осознания: иллюзия, созданная воображением, не может быть настолько реальной? Или все-таки может?

Я прикрыла глаза и ущипнула себя за руку. Боль пронзила кисть, но когда я снова осмотрелась, вокруг ничего не изменилось. Стало еще страшнее, но сделав пару глубоких вдохов и выдохов, я призвала себя к спокойствию. Нет, я же много чего знала и повидала на своем веку. Неудивительно, что сейчас мозг активно использует все эти знания, чтобы создать самую правдоподобную картинку, на которую способен.

Успокоив себя таким образом, я решительно распахнула шкаф. И затаила дыхание от радости. Бежевые приличные платья оказались здесь зажаты в самые дальние углы, центральное же место занимали амазонки самых разных вариантов. Среди них я обнаружила несколько костюмов с темно-зелеными жакетами и коричневыми юбками с неровным подолом – таким, чтобы при езде в женском седле не показывались ноги, и юбки с разрезом до колена, и целую коллекцию брюк в тон к ним. И даже тонкие штаны и бриджи, которые можно было для удобства надеть под женский наряд.

Я занималась верховой ездой до позапрошлой зимы – под Новый год сустав правого колена, которое я лет десять назад умудрилась повредить, дал о себе знать в мой сорок седьмой день рождения, и больше я в седло не забиралась. С тех пор ездила на конюшню только для того, чтобы проведать лошадей и немного помочь владелице с рекламой. Но как же мне хотелось снова ощутить это ни с чем не сравнимое удовольствие – силу благородного животного, прогулки верхом на котором не заменят никакие покатушки на мотоцикле. Если мне – пусть и в коматозной фантазии – удастся пережить такое еще хоть раз, то потом можно и умереть, оно точно будет того стоить! Конечно, в женском седле я сидела только пару раз, для эксперимента, но думаю, справлюсь. Тем более, раз Беатрис была наездницей, значит, память тела мне поможет.

С восторгом перебирая платья, я позабыла обо всем на свете, но вдруг наткнулась на чехол из черного шелка, на-

дежно укрытый от беглого взгляда за остальными нарядами. Любопытство разгорелось во мне с новой силой, и я вытащила его вперед. Аккуратно сняла и крайне удивилась. Под ним скрывалось простое бежевое платье с украшенным вышивкой и белыми рюшами лифом и подолом. Обычное, оно почти ничем не отличалось от остальных – тех, что висели в углах шкафа. Судя по виду, платье если и надевалось, то всего раз. Может, подвенечное? Оно ведь не обязано быть непременно белым, по крайней мере, во вселенной этой книги.

Вернув платье туда, откуда его вытащила, я отыскала маленькую лесенку и забралась повыше, чтобы добраться до полки со шляпками. Они радовали глаз пестротой песочного, травянистого и белого, украшениями в виде цветов и лент. Среди множества вариантов я даже отыскала забавную треуголку, которую леди, похоже, очень любила надевать, и смелую соломенную шляпу, украшенную восковыми ромашками.

В дальнем углу полки рука уперлась в обитую бархатом коробку. Я не мешкая, достала ее и поставила на стол. С трепетом открыла, ожидая увидеть в ней что-то особенно прекрасное, и не разочаровалась. В ней хранился венок из восковых бежевых роз, фата, перчатки, кружевной веер и жемчужные бусы – явно в дополнение к венчальному платью.

Я аккуратно достала венок и подняла его, чтобы лучше рассмотреть на солнце. Украшение оказалось выполнено с большим мастерством: лепестки выглядели как живые – тон-

кие и нежные, они отличались от настоящих только бликами на солнце. Вспомнились слова занудного экскурсовода, который водил меня по музею – имитации британского поместья. Небрежно указав на похожий венок, только более грубый на вид, с красными розами, он зевнул и промямлил «Такой венок на свадьбу впервые надела королева Виктория, потом они вошли в моду. Некоторые особенно впечатлительные девицы хранили такой аксессуар под стеклянным колпаком на каминной полке – должно быть, в память о радостном дне свадьбы».

Вернув венок в коробку, я заметила, что на пальцах осталась тонкий слой пыли – коробку явно редко доставали из дальнего угла. Либо Беатрис не страдала излишней сентиментальностью, либо вообще не хотела вспоминать о дне своей свадьбы. Хотя как не вспоминать, если живое его свидетельство – собственный муж – под боком ходит?

От прогулки по комнате, пусть и короткой, я порядочно устала, живот заурчал, напоминая, что физический голод утолять так же необходимо, как и ментальный. Убрав коробку с украшениями обратно в шкаф, я опустилась на мягкую кровать и едва открыла рот, чтобы откусить кусочек ароматной булки, как дверь комнаты отворилась.

– Да как ты посмела, шавка дворовая?! – прошипела незнакомка в темно-алом платье, врываясь в спальню и с силой захлопывая за собой створку двери.

Это еще кто такая?

Глава 2

– Своей выходкой ты поставила под угрозу честь моего дорогого братца! – продолжала тем временем незнакомка.

Я бегло оглядела ее. И в самом деле – сестра Даркрайса: крупные черты лица, нос с горбинкой, то же странное сочетание хищных голубовато-зеленых глаз и каштановых волос, только брови не густые, аккуратно выщипаны. Однако родство с моим мужем не дает ей права так ко мне относиться – маленькая еще, лет двадцать пять на вид. Не доросла, чтобы мне указывать.

– Тебя разве не учили стучаться, милочка? – холодно спросила я, поднимаясь с кровати.

Даже выпрямившись в полный рост, я оставалась ниже золовки на пол головы, да и фигура у нее попышнее, однако это не мешало мне чувствовать себя более уверенной. И не таких хамок ставила на место.

Девушка от удивления захлопнула рот и часто заморгала. Она что, всегда общалась с Беатрис в таком тоне? Если да – придется перевоспитать.

Впрочем, сестрица мужа, имя которой в книге даже не упоминалось, довольно быстро пришла в себя.

– Ты еще будешь указывать мне на приличия после того, что сделала? И не говори, что это был несчастный случай. Святая магия, а что будет, если слухи обо всем дойдут до

столицы?! – золотка картинно закатила в глаза и опустилась в кресло, изображая накотившую на нее слабость.

Я спокойно наблюдала за спектаклем – девочка старается, в конце концов, не хочу испортить ее дешевую игру.

Заметив, что ее уловки меня совершенно не волнуют, красавица широко открыла глаза и снова поднялась. Какая энергичная леди, однако.

– Пока ты прохлаждалась здесь, мы три дня подряд были вынуждены обедать одними и теми же блюдами! – продолжила бросаться упреками она.

Любопытно! Неужели Беатрис здесь подрабатывала местным аналогом золушки? Впрочем, не может быть, чтобы богатый аристократ позволил своей жене возиться на кухне: даже если бы она захотела этим заниматься – леди работать не по статусу, она бы опозорила супруга таким странным пристрастием.

– Если мне не изменяет память, приготовлением обедов и прочих приемов пищи занимается кухарка, – не теряя спокойствия, напомнила я. Наверняка я не знала, есть ли здесь такая дама, но предполагать, что в огромном особняке Даркрайса жена готовит сама, как-то даже смешно.

Леди снова захлопала глазами от возмущения, сжала кулачки. Однако теперь уже она вынуждена оправдываться.

– Память тебе не изменяет, но все распоряжения ты всегда давала кухарке лично, а теперь экономка не знает, какие блюда подавать.

– Если она не справляется со своими обязанностями, то почему до сих пор работает здесь? – уточнила я, окончательно переходя в наступление. Но кажется, выбрала слишком суровый тон – под моим напором золовка замерла, пару раз открыла и закрыла рот, но так ничего и не ответила.

Какое-то странное тут поместье. Насколько я помню из книги и из истории, богатые леди благодаря огромному штату прислуги полностью избавлены от забот по дому. По крайней мере, в этом мире. Конечно, при желании они могли взять контроль за поместьем в свои руки, но при этом им следовало сохранять вид веселый и беззаботный.

Когда стало ясно, что сестрица мужа не может выдать из себя ни слова, я вздохнула и продолжила уже спокойнее.

– Сегодня я лично спущусь на кухню. И хочу видеть там не только служанок, но и экономку.

Мои слова, хоть и произнесенные ровным тоном, молодая леди восприняла как приказ. Кивнула и, напоследок махнув тяжелой бордовой юбкой, покинула комнату. Сразу стало тише и просторнее, я вздохнула с облегчением и принялась за еду.

Почувствовала, что сыта, когда на подносе еще оставалась почти половина еды. Но запихивать в себя булки силой не стала, хоть – надо признать – они оказались очень вкусными, и позвонила в колокольчик. Если я все правильно понимаю, то вскоре ко мне должна прийти личная горничная. Как она там в книге называлась – камеристка, кажется.

В ожидании служанки решила заглянуть за дверь, прикрытую тяжелой зеленой портьерой, сейчас отодвинутой на половину. Взявшись за ручку, замерла в нерешительности. А вдруг по другую сторону – спальня супруга? Но пока не проверю – не узнаю. К тому же, сейчас день и он вряд ли заперся в своих покоях.

Ожидания мои не оправдались – за дверью оказалась почти современная ванная. Создавая собственный мир, писательница отлично позаботилась о комфорте своих персонажей: в богатых местных особняках и даже в некоторых зажиточных домах существовала наполовину механическая и наполовину магическая система водопровода и канализации, так что ванна и – что меня особенно порадовало – подобие унитаза здесь имелись. Чем я и решила тут же воспользоваться.

Горничная проскользнула в комнату так тихо, что, выйдя из уборной, я даже не сразу ее заметила. А когда обратила на нее внимание, первым делом попросила помощи в мытье. Не то, чтобы я не могла справиться сама, но ведь понятия не имею, какие тут вентели крутить, чтобы не устроить случайно потоп.

После того, как я понежилась в теплой воде, стараясь не слишком мочить волосы, и без того на удивление чистые, передо мной встала другая проблема: я совершенно не представляла, какое платье сейчас следует надеть. Пришлось понадеяться на догадливость камеристки.

– Подготовь какой-нибудь наряд попроще, – расплывчато попросила я, но девушку нечеткость просьбы совершенно не смутила.

Она тут же бросилась к шкафу так быстро, что взметнулась в воздух толстая черная коса, и выудила оттуда отглаженное платье мягкого зеленого оттенка с покрытым мелкими белыми цветочками лифом. Простое, почти без украшений, с длинными рукавами, плотно обхватывающими запястья, и не слишком пышной юбкой – то, что надо. Но аккуратно разложив на кровати его, служанка начала одну за другой вытаскивать из шкафа нижние юбки, которых к моему ужасу насчиталось аж целых три, и это помимо смешных кружевных панталончиков. Все белье она, похоже, отгладила и аккуратно развесила заранее – в те отделы шкафа, куда я еще не успела заглянуть.

Я с замиранием сердца ждала, что девчонка вытащит пыточное устройство под названием «корсет», но вместо него она положила на покрывало лишь плотную белую рубашку, и я выдохнула с облегчением. По крайней мере, в повседневной жизни мучиться не придется.

Поражаясь ловкости камеристки, я в отражении зеркала наблюдала за тем, как она быстро, едва заметными движениями пальцев, застегивает многочисленные крючки и пуговицы на юбках, и спустя всего пол часа и пытку расческой я уже была готова наводить порядок в особняке и строить слуг.

Я уверенно вышла в коридор и огляделась. Камеристка,

судя по тихим шагам, семенила следом. Коридор производил угнетающее впечатление. Здесь чисто и светло благодаря длинному ряду широких окон, которые тянутся от одной стены до другой, но пустота этого места оглушала.

Я сделала несколько шагов, каблуки удобных ботиночек застучали по выложенному белой каменной плиткой полу. Моя длинная тень скользнула вдоль стены, отделанной темным деревом того же оттенка, что и мебель в моей спальне. Шагая с тенью бок о бок, я спустилась по парадной широкой лестнице вниз и замерла в легкой растерянности: ведь понятия не имею, где здесь кухня.

Из ступора меня вывела горничная, которая, не заметив моего замешательства, скользнула в правый коридор. Я последовала за ней и, миновав еще, кажется, полкилометра белой плитки и очередную маленькую лестницу, оказалась в кухне.

Тут меня уже ждали. Крупная повариха с забранными под серую косынку волосами выпрямилась от очага, над которым висел котелок, молодая румяная девица оставила тарелку, которую начищала, и вытерла руки о белый фартук. Еще одна женщина – высокая, сухая пожилая дама, одетая, как и остальные, в серое платье с белым передником, поднялась со деревянного стула. Она держалась с большим достоинством, чем остальные, и я сразу догадалась, что это и есть экономка.

– Доброе утро, – поприветствовала женщин я, еще раз обводя кухню взглядом.

Шаффы, корзины и бочки, посуда и еда на столе, на котором, видимо, и готовили для господ, и умопомрачительный запах мяса, тушеного со специями. Несмотря на то, что я позавтракала, тут же ощутила легкий голод. Но решила на него не отвлекаться.

– Милая сестрица моего супруга сообщила, что во время моей болезни у вас, – я выразительно посмотрела на экономку и та слегка ссутулила плечи под моим взглядом, – возникли некоторые затруднения. С чем они связаны?

Я в упор посмотрела на пожилую женщину. Она переменялась в лице, даже побледнела, но сумела сохранить некое подобие достоинства.

– Леди Аннет была очень недовольна тем, что мы три дня подряд подавали одно и то же блюдо к обеду. Но таково было требование графа, – развела руками она.

Еще интереснее. Если она не лжет, то я вообще перестаю понимать логику золовки. Какого черта она приперлась с претензиями ко мне?

– Мой муж отдавал какие-то распоряжения на счет сегодняшней трапезы? – уточнила я, краем глаза замечая, что остальные служанки робеют гораздо сильнее, чем их предводительница, хотя вопросы я задаю только ей.

– Нет, леди. Зная вашу любовь к домашним делам, он оставил вам возможность как обычно самой определиться с меню, – на этих словах экономка почтительно склонила голову и протянула мне большую связку ключей, которую сня-

ла с пояса.

То есть леди Даркрайс лично определяла, что и в каких количествах будет подано на стол? Судя по виду горничных, она еще и ими командовала как генеральша. Но я-то не она, и последнее, что мне интересно – это каждый день обсуждать чертово меню с кухаркой. Нет, так не пойдет.

– Напомните мне, дорогая, каковы ваши обязанности в этом доме? – взяв несколько высокомерный тон, я подступила на шаг ближе к экономке. Она замерла с протянутой рукой, но принимать у нее ключи я не спешила.

– Следить за припасами, составлять меню, контролировать горничных при уборке и выдавать им все необходимое, – неспешно начала перечислять она. Я кивнула и остановила ее жестом руки.

– Прекрасно. В таком случае приступайте к своим обязанностям и впредь выполняйте их достойно. Распоряжения на день я буду отдавать вам по утрам, – моя улыбка вышла, пожалуй, слишком ядовитой.

Экономка удивленно приподняла брови, но быстро справилась с эмоциями и повесила ключи за пояс.

– Разумеется, леди Даркрайс, – женщина присела в реверансе и я благосклонно ей кивнула, развернулась и направилась к двери, лопатками чувствуя удивление прислуги. Что ж, пусть сплетничают. Может, моя репутация сумасшедшей поможет получить развод с графом?

Вот так-то лучше – с этой проблемой разобрались. Теперь

неплохо бы найти мужа и побеседовать с ним, чтобы...

– Прошу меня простить, леди Даркрайс, но... что подавать к обеду сегодня? – вопрос донесся мне в спину, когда я стояла уже у выхода.

Ну что за непонятливые дамы?! Я уже собиралась сказать им, чтобы сообразили сами, однако вовремя захлопнула рот: появилась идея получше, и я почувствовала, как по губам скользит ехидная усмешка.

– Подайте то же, что и вчера, – бросила я через плечо и вышла, не дав служанкам времени задать новые вопросы.

Возвращаться в спальню не хотелось, а до удовольствия понаблюдать за злостью золовки оставалось еще несколько часов, так что я решила прогулять по замку и пошла наугад в одну из проходных комнат. Очень скоро меня начал раздражать топот камеристки за спиной, и я повернулась к ней. Еще раз оценивающей окинула худенькую фигурку и приблизилась к ней.

Горничная сжалась, будто я собираюсь ее ударить. Да что тут Беатрис вытворяла со слугами, если они так ее боятся? Или выражать страх и подобострастие – это у них форма вежливости такая?

– Иди, приберись в моей комнате, и подготовь платье для послеобеденной прогулки, – говорила я наугад, но судя по тому, что служанка ничуть не удивилась, в моих словах она не нашла ничего странного. – И... на подносе осталась одна булочка. Если голодна – можешь съесть ее.

Я говорила ровным тоном и не знала, как к моему предложению отнесется камеристка. Судя по виду, она явно недоодела, но сама я на ее месте восприняла бы такое предложение как унижительное. Однако служанка поклонилась и, с трудом скрывая улыбку, убежала в сторону парадной лестницы. Вот и отлично – ребенка подкормила и от присмотра избавилась. Теперь можно и гулять.

Я двинулась по длинному ряду комнат, которые оказались хоть и блестящими от чистоты, но совершенно нежилыми. Мебель в идеальном состоянии, которой никто явно не пользуется, зелень и цветы в напольных горшках, и, в общем то, все. Ни книги, забытой на журнальном столике, ни перчаток, наспех брошенных на комод в коридоре – ничто не намекало на хозяев дома. То ли тут настолько хорошо убирались, то ли жильцы пользовались лишь несколькими комнатами. Интересно, в чем причина такого аскетизма?

И почему все же Беатрис занималась домашними делами?

После короткой прогулки тело стало тяжелым от усталости, мир перед глазами слегка поплыл, и я опустилась на одно из кресел перед большим окном с видом на запущенный уголок огромного сада. На миг мне показалось, что я вот-вот очнусь, и стало даже страшно. Неужели мне не представится возможность разгадать тайны этой странной семьи и сделать Беатрис счастливой?

Но через несколько минут я поняла, что головокружение – лишь последствие недавней травмы, и даже немного успо-

коилась. А потом удивилась: неужели мне и в самом деле хочется подольше задержаться в этой забавной галлюцинации? Впрочем, почему бы и нет? Что меня ждет в реальности: скучная работа – хотя нет, я уже решила, что уволюсь – и бокал вина вечером в одиночестве? Широкий круг знакомых и приятелей, но никого по-настоящему близкого, кому бы я смогла рассказать вот хотя бы про этот странный сон? Меня там никто не ждет, так что можно и немного повременить с "возвращением".

Приободрив себя такими мыслями, я откинула голову на спинку кресла и сложила ногу на ногу, нисколько не заботясь о том, что сомну юбку и прическа растреплется. Теплые солнечные лучи приятно грели лицо, и приходилось щуриться, чтобы смотреть, как ветер покачивает пока еще голые ветви деревьев в саду и перегоняет по тропинкам прошлогодние листья. Должно быть, этот сад очень красив летом.

И все же, почему Беатрис взвалила на себя все работы по дому? Судя по гардеробу, девушка она не из домашних: одна только придумка носить штаны под юбкой для удобства чего стоит. Да и в романе она показалась мне дерзкой и боевой, хоть появлялась в сюжете от силы раза три. Хм... Вот именно, всего раза три. А чем она – такая деятельная, активная и умная – занималась все остальное время? Банально скучала в поместье! Муж ее не любил, относился холодно, подруг она не нашла из-за едкого характера, вот и погрузила себя в домашние обязанности, может, банально для того, чтобы

дни шли быстрее.

Но я не могу позволить этому персонажу губить себя в тягомотине домашних дел!

Ощувив, что мир больше не катится куда-то в бездну и выглядит вполне статичным, я поднялась и направилась дальше – по широкому коридору. Здесь в свете от широких окон плясали частички пыли, и похоже, уборка велась не столь тщательно. Судя по размеру и резным створкам дверей из темного дерева, эта часть дома также предназначалась для хозяев, но в нее редко кто-то заходил. Интересно, почему?

– Ах, какое наказание! – тонкий голосок молодой девушки донесся из-за ближайшей двери.

Я остановилась и прислушалась.

– Не жалуйся понапрасну, Лайла. Да, тут много работы, зато господа сюда редко заглядывают. Да и экономка не будет придирааться, когда придет проверять. Вытри лучше каминную полку.

Второй голос – более взрослый – принадлежал, кажется, зрелой женщине. Явно горничные болтают. Интересно, что они там делают вообще?

Я приоткрыла створку. На краю сознания мелькнула мысль, что вообще-то это должен делать лакей, но не осудят же меня за такую мелочь в собственном доме?

Девушки в серых платьях и белых фартуках замерли, едва разглядели, кто стоит перед ними. Одна – миловидная блондинка с пухлыми губками, ровесница моей камеристки. Вто-

рая – шатенка, роскошную фигуру которой не прятал даже бесформенный наряд. Густые брови, вздернутый носик – хороша. Интересно, как часто ей приходится отбиваться от назойливого мужского внимания?

Горничные поклонились и замерли. Похоже, в моем присутствии им вообще нельзя ни двигаться, ни разговаривать без приказа. Я и не спешила с ними ни о чем говорить – предпочла осмотреться, и сердце замерло от восторга.

Старая библиотека. Огромная пыльная комната, уставленная множеством книжных шкафов. Справа находился камин с парочкой кресел и журнальным столиком между ними, слева, за шкафами, я заметила диванчик, стоявший спинкой к окну. Видимо, если сесть на него с книгой, то солнце будет падать как раз на ее страницы.

Место, даже несмотря на пыль, показалось мне крайне уютным: темное дерево в обивке стен, светлым уложен пол, шкафы с изящными украшениями тянутся почти до высокого потолка. Возле ближайшего из них – маленькая приставная лестница.

Как приятно, должно быть, здесь можно проводить теплые летние вечера: затоплен камин, окна смотрят на другую часть сада – более ухоженную, даже с фонтаном, который, правда, толком не разглядеть из-за плотного ряда кустарников. Надо бы привести эту комнату в порядок. А заодно просмотреть книги – они наверняка помогут мне понять больше об этом мире, ведь в романе он описан лишь настолько, на-

сколько это необходимо для сюжета.

– Может, экономка придирается не будет, но я осмотрюсь очень внимательно, – предупредила я, но старалась не слишком строжить девушек. – Наведите здесь прядок как можно тщательнее. Если сегодня не успеете – продолжите завтра.

– Да, госпожа, – девицы снова поклонились, и это уже начало надоедать. Если я здесь задержусь, то надо будет как-то отменить это требование с поклонами – от него рябит в глазах и подташнивает, будто я на каруселях.

Прошло мгновение, но девушки не двинулись с места. Ага, значит, работать они могут лишь в мое отсутствие.

Я бросила жадный взгляд на полки с книгами, но решила, что девушек смущать не стоит, и вышла в коридор. Подожду пару дней, а потом – если вдруг эта забавная галлюцинация не закончится – подробно изучу эту сокровищницу.

Снова оказавшись в коридоре, я еще раз огляделась и подавила в себе желание продолжить бродить по дому. Наводить порядки в викторианском особняке конечно забавно, но теперь надо найти мужа, у меня к нему есть несколько вопросов. Прежде всего я хочу понять, в каком моменте сюжета мы находимся и как скоро мне понадобится бежать отсюда.

К моему удивлению, муж обнаружился в одном из тех запыленных залов, куда, как мне казалось, ходят только слуги – да и те халтурят с уборкой. Когда я вошла в одну из маленьких комнат, у которой, кажется, не было никакого осо-

бенного назначения, он сидел в кресле, спиной ко мне. Перед ним стояла шахматная доска, повернутая к нему белыми фигурами, и он, опершись рукой на подлокотник кресла, буравил ее взглядом.

Я тихо подошла ближе – так осторожно, что муж меня не услышал, и встала почти за его спиной. Партия, похоже, только началась. Сдвинуты оказались лишь несколько пешек обоих цветов и белый конь. Граф занес руку над черной пешкой, но опустил ее, будто сомневаясь. Насколько же он одинок, если не с кем даже поиграть в шахматы. Дворецкого бы хоть позвал – надо бы с ним, кстати, познакомиться.

– Черную песку с b2 на b4, – не удержалась я.

Супруг повернулся и удивленно взглянул на меня. В этот момент мне показалось, что он мягко пошлет меня к черту и скажет, что шахматы – не женское дело, однако он саркастично улыбнулся и указал рукой на кресло напротив.

– Если желаете сыграть – прошу, – мягко, с легкой насмешкой в бархатном голосе сказал он.

Еще как желаю! Хороших противников мне не попадалось с тех времен, когда я жила в Москве. А было это лет пятнадцать назад. А еще, глядя на снисходительную улыбку графа, с которой он следит, как я переставляю пешку, захотелось уделать его.

– Как вы себя чувствуете? – завел светскую беседу граф, обдумывая следующий ход. Впрочем, думал он недолго и очередную пешку переставлял с явным пренебрежением.

Ну-ну, можешь не стараться, и в первый раз обыграть тебя будет совсем легко!

– Прекрасно, – улыбнулась я, разглядывая шахматную доску.

Но мысли крутились совсем не вокруг очередного хода. Я думала, стоит ли сразу затеять с графом открытый конфликт, или с ним получится договориться. В итоге решила, что для начала стоит попробовать второй вариант. Может, если мне удастся поддерживать с антагонистом хорошие отношения, то когда придет время, вместе придумаем, как половчее обставить развод?

– И позвольте выразить вам благодарность за мое спасение, – тихо произнесла я.

Граф насторожился, но настала его очередь ходить, и он ненадолго отвлекся на доску. А как только принял решение, снова поднял на меня тяжелый взгляд. Он что, все еще подозревает меня в попытке суицида?

– Вы вспомнили, что произошло? – уточнил он, не отводя от меня глаз.

– К сожалению, нет. Но уверяю вас, расставаться с жизнью я не планировала. Лишь хотела прогуляться.

Граф ничего не ответил, и следующей парой ходов мы разменялись в напряженном молчании. Вернее, напряжение чувствовала лишь я, а Даркрайс сидел, погруженный в собственные мысли, и едва ли смотрел вообще на доску. Узнать бы, о чем он думает, но если спрошу напрямую, он ведь не

ответит. Или, еще хуже, посоветует «не забивать свою хорошенькую головку сложными делами». Но молчать и дальше мне совершенно не хотелось – не для того я его разыскивала по всему особняку. Да и надо как можно скорее узнать, в какой точке сюжета я нахожусь и сколько у меня времени.

– Произошло ли что-нибудь интересное, пока я... была нездорова? – аккуратно спросила я, подрезая белого коня.

Изящно выполненная фигура ещё хранила тепло руки мужчины, который так неосторожно ею распорядился. Какая красота – тончайшая работа, ни одной трещинки в полированном до матового блеска камне.

Граф потери даже не заметил. В его взгляде на миг мелькнуло удивление, но потом вид снова стал холодным и отстраненным.

– Нет, ничего особенного.

И снова тишина, не разбавленная ни граммом полезной информации.

– Я подумываю о том, чтобы навести порядок в библиотеке, – решила зайти с другой стороны в надежде, что дела поместья хоть немного заинтересуют его владельца.

– Делайте, что хотите. Я уже говорил, что поместье полностью в вашем распоряжении. Можете хоть лично с тряпкой ползать по шкафам, но ради святой магии, не предавайте это огласке на светских вечерах, – в голосе собеседника я услышала явное раздражение. – Если нужны деньги на мебель – все оплачу.

Мог бы и оценить мои старания, вообще-то. Но судя по виду, мое общество графа если не тяготило, то как минимум немного напрягало. Вот значит, как! Договариваться он, похоже, не захочет.

Пока Даркрайс делал вид, что размышляет над очередным ходом, а сам думал о чем-то совершенно ином, я еще раз внимательно его рассмотрела. Коричневый пиджак висел на спинке кресла, идеально отглаженная рубашка кажется светилась от собственной белизны. Небрежная поза, скупающий вид. Вдруг захотелось разозлить его, или колко пошутить, или сделать любую дурость, но стереть это снобистское выражение скуки и высокомерия с лица, будто сошедшего с книжной иллюстрации. Впрочем, оно и сошло.

Случай немного позлить графа представился сразу же, как только я о нем подумала. Противник допустил уже несколько роковых ошибок, и всего в три хода я могла поставить ему мат. Что и проделала, копируя при этом его выражение лица и небрежную позу.

Заметив проигрыш, граф несколько раз удивленно перевел взгляд с доски на меня и обратно. В его глазах осознание сменялось злостью, между нахмуренных бровей залегла глубокая морщина.

– Это какой-то фокус? Жульничество? – спросил он с едкой усмешкой, кивая на стол.

– Каким образом я могла бы жульничать? – я иронично вздернула бровь и откинулась на спинку кресла. – Мы ведь

не в карты играем: я сидела напротив вас, одна.

Каков наглец! Вместо того, чтобы признать поражение достойно, он начал обвинять меня в жульничестве! Нет, мы с ним точно не договоримся. Надо искать другие законные способы избавиться от своего статуса жены и найти способ заработка, чтобы с голоду не помереть.

Задумавшись, я неосознанно потянулась к одной из черной фигур, стоявших слева от доски. И не заметила, что граф уже начал собирать расставленные рядом сбитые пешки. Любила крутить что-нибудь в руках, когда думаю, и на этот раз по привычке хотела поступить так же. Но наши пальцы на мгновение соприкоснулись, я от неожиданности отдернула руку слишком резко.

Граф скривился и глубоко вздохнул.

– Быть может, вы забыли о моем обещании – в таком случае я напому. Я клялся, что между нами не будет близости до тех пор, пока мне не удастся избавиться от проклятья моей крови. И даже не пытайтесь меня переубедить! Ни одна из ваших хитростей не достигла и не достигнет цели, – слова его прозвучали резко и обидно.

Хоть я и не влюблена в него, но мне стало жаль книжную Беатрис, которая не получала ни внимания, ни тепла, ни банального секса. И даже в детях не могла найти хоть какое-то утешение. Кстати, невозможность обзавестись потомством – хороший повод для развода! Но об этом подумаю, когда успокоюсь.

Я резко поднялась – желание договариваться с этим несносным мужчиной таяло с каждым мгновением.

– Как пожелаете, – процедила сквозь зубы и собиралась удалиться, но голос мужа заставил на мгновение замереть.

– Ах да, – будто невзначай произнес он. – Послезавтра я отправлюсь в город. Вам что-нибудь привезти?

Это что, попытка извиниться? Или мне только так показалось? В любом случае в городе есть светская жизнь, ходят сплетни. Там я точно пойму, на каком этапе находится сюжет.

– Если позволите, я бы хотела поехать с вами, – сменяя гнев на холодное, но все же спокойствие, я вопросительно посмотрела на графа.

Он выглядел удивленным – кажется, в десятый раз за нашу короткую беседу – но быстро справился с эмоциями и кивнул.

– Разумеется, дорогая. Если вы еще недостаточно окрепли, чтобы ехать в седле, для вас подадут карету.

– Благодарю, – теперь я развернулась и поспешила покинуть комнату, не желая затягивать бессмысленный диалог. Встреча с мужем все-таки прошла не напрасно. Теперь надо хорошенько обдумать все, что мне удалось узнать.

Глава 3

За неимением других дел я вернулась в свою спальню. Горничная уже ушла, но от ее уборки мало что изменилось. Исчезли складки на покрывале и поднос, а цветы переместились с тумбы на комод. Я подошла к ним и коснулась нежно-розовых лепестков пальцами. Судя по виду за окном, снег сошел лишь недавно, а эти нежные малыши уже распустились. Видимо, они что-то вроде подснежников, и простоят совсем недолго – лепестки уже немного съезжились, но от этого маленькие бутончики в обрамлении узких листьев не перестали быть очаровательными.

Расслабившись, я ощутила усталость, которая волной накрыла тело, подкашивая ноги. Опустилась в кресло и прикрыла глаза.

Итак, что мы имеем? Огромный особняк, едва не погубившую меня и графа, который ведет себя как... граф. Никаких признаков лютой злобы я в нем не наблюдаю. Однако и по маньяку с первого взгляда не скажешь, что он маньяк.

Сейчас, немного успокоившись, я решила, что стоит все же еще раз попытаться наладить с ним отношения. Мне и так придется сражаться с местными стереотипами и давлением церкви, чтобы развестись, и параллельно противостоять собственному мужу как-то не хочется.

Когда я попыталась подумать о том, как бы найти спо-

соб пообщаться с мужем, но при этом не вызвать подозрений в «плотских желаниях» на его счет, я провалилась в легкую дрему. Мысли спутались, и постепенно сознание погрузилось в темноту.

Полумрак подземелья разгоняли лишь два чадящих факела. От них пахло гарью, моя тонкая тень плясала на каменной стене. Граф стоял напротив и мрачно глядел на меня исподлобья.

– Согласись на развод, и я отпущу тебя, – потребовал он таким холодным тоном, что мне показалось, инеем покрылись собственные кости. А может, сквозняк забрался под рваное у подола платье.

– Нет! – слова вырвались из горла против моей воли, будто я и вовсе не управляла своим телом. – Эта вертихвостка Лайтнер тебя погубит! К тому же, мне не на что жить. Разве ты, с твоими-то благородными идеалами, бросишь женщину в...

Я, – вернее Беатрис – договорить не успела. Пощечина обожгла кожу, распущенные волосы упали на лицо, но подбородок снова гордо вздернулся сам собой.

– Не смей говорить о ней в таком тоне. Ты даже звука имени ее не достойна! А деньги... я бы дал тебе столько, сколько попросишь, но оставь меня, тебе ведь этот брак тоже в тягость! – лицо графа исказила ярость, он почти рычал, и теперь я точно уверена, что холод по спине пробежал вовсе

не от сырости подземелья.

– Хочешь – убей, но развод не получишь! – выкрикнула я в лицо мужу, который стоял так близко, что кончики моих волос, качнувшись, задели его лицо.

– Как пожелаешь, дорогая.

Губы Даркрайса растянулись в зверином оскале, он поднял руку, в которой все это время сжимал кинжал. Сердце затрепетало от ужаса, когда сталь блеснула в тусклом рыжем свете.

– Ты... – с улыбкой выдохнула Беатрис, расставляя в стороны руки, но больше не смогла проронить ни слова – клинок пронзил ее горло, по подбородку потекла теплая кровь, наполняя рот привкусом стали.

– ... ошибаешься! – крикнула я, подскакивая с кресла, но не устояла на дрожащих ногах и рухнула обратно.

Изо всех сил вцепилась в мягкие подлокотники, до боли сжала пальцы, стараясь почувствовать тело, осознать, что оно снова мне подчиняется, и что это не сон. Или хотя бы не сон во сне. Медленно перевела взгляд на цветы, с них – в окно, где солнце только что вынырнуло из-за тяжелой тучи, и глубоко вдохнула.

«Просто сон во сне» – повторила эту фразу несколько раз, прежде чем смогла окончательно унять бешеное биение сердца. Но снова закрывать глаза побоялась, поэтому продолжала упорно тарашиться в зеленую обивку стены.

Всего лишь отрывок из романа. Я помню эту сцену, но в ней было диалогов. Только мрачный подвал, блеск кинжала и кровь из горла несчастной влюбленной женщины. А что потом?

На память я никогда не жаловалась, так что через полминуты восстановила в ней сюжет романа. До того, как убить супругу, граф встретился с новой возлюбленной – Мари Лайтнер – на каком-то из званых вечеров. И будто сошел с ума: бредил ею, приказывал слугам за ней следить, потом пытался с помощью цветов и подарков добиться взаимности, но ничего не вышло – главная героиня уже была влюблена в другого. Какого-то стереотипного молодого виконта. Тогда Дарсрайс решил взять Мари в жены силой, но появилась проблема – он годом раньше женился на Беатрис. Попытался с ней развестись, но неудачно – хотя в книге не описывалось, почему – и тогда убил законную супругу.

На мысли о смерти леди Даркрайс я споткнулась. Меня пробил легкий озноб, так что я обхватила руками плечи. Но упорно продолжала вспоминать, чтобы не заикливаться на этой жуткой сцене.

Потом граф похитил Марию и запер ее в роскошных покоях. Долго уговаривал стать его женой, осыпал подарками, но спустя какое-то время потерял терпение и попытался ее изнасиловать. Именно в этот момент героиню и спас ее возлюбленный. Вместе они нашли в доме злодея доказательства того, что он замыслил бунт против Королевы, и предостави-

ли их монархине. Она казнила коварного подданного и его сестру. На этом роман заканчивался, и хотя эпилог я не дочитала, но не думаю, что там содержалось что-то важное, скорее всего описывалась какая-нибудь сцена счастья двух молодоженов.

Помимо линии с графом в сюжете истории у Мари были и другие проблемы. Она лечила многих раненых, которые пострадали от когтей ужасного чудовища, и вскоре поняла, что оно охотится за представителями знатных семей. Тогда она и ее возлюбленный, верные короне, решили выяснить, что происходит, и вышли на след графа. Именно в его жилах текла демоническая кровь – кровь врагов, с которыми Королевство Рэгенси и почти весь остальной мир воевал много столетий назад. И когда они уже почти нашли доказательство его вины, он похитил Мари, чем ускорил свое поражение.

В целом сюжет мне понравился, но теперь он не кажется мне приятным. Наверное, окажись я на месте главной героини, чувствовала бы себя немного лучше, но увы – моя роль сводится к тому, чтобы быть невинно убиенной жертвой собственных чувств. Романтично, но крайне непрактично на мой взгляд.

– Леди Даркрайс! – испуганно воскликнула горничная, едва войдя в комнату. – Что с вами?!

Я отмерла и рассеянно взглянула на девушку. Несколько мгновений не могла понять причину ее беспокойства, но потом сообразила, что сижу с прямой как палка спиной, вце-

пившись до посинения пальцев в подлокотники кресла, и смотрю в одну точку. Тут же расслабилась и медленно поднялась.

– Ничего, все в порядке.

Я прошла по комнате, разминая ноги.

– Господин просил передать, что ждет вас к обеду, – робко произнесла служанка, уперев взгляд в пол. – И еще сказал, что новый доктор приедет завтра.

– А что случилось с прежним? – с видимым равнодушием уточнила я, хотя даже такая деталь, как смена врача, показалась мне подозрительной.

– Предыдущего, мистера Ллойда, граф выгнал, когда вместо магического лечения он предложил сделать вам кровопускание, – затараторила горничная. – И сразу выписал из столицы нового лекаря.

Любопытно. Судя по тому, что я читала в книге, настоящие знания по анатомии и физиологии здесь были доступны только лекарям-магам. Те врачи, которые обходились без колдовства, пользовались дремучими старыми методами вроде пиявок, оленьих рогов и сомнительных спиртовых настоек. И решение графа вовсе не выглядело в этом свете подозрительным, но отчего-то мне казалось, что его мотивы не так просты.

Я морально приготовилась к тому, что придется перед обедом менять платье, но ничего подобного горничная не предложила. Просто вышла и засеменила в ту часть особня-

ка, где я еще не бывала.

На обед я опоздала неприлично сильно. Когда вошла в большую комнату с длинным столом, уставленным едой, зловка глянула на меня недовольно, вид же Даркрайса не выражал ничего, кроме скуки. Однако едва меня заметив, он встал и галантно отодвинул для меня стул. При этом выражение его лица нисколько не изменилось, а движения выглядели отточенными, почти механическими: идеально вежливыми, но без капли эмоций.

Решив, что извиняться мне не за что, я заняла свободное место по правую руку от мужа и окинула беглым взглядом стол. На нем стояли три тарелки мясного супа, который удурительно пах специями, сырная нарезка, орехи и несколько бутылок разных вин – видимо, на выбор. Судя по тому, что я помнила о викторианской эпохе, довольно скромно. Но быть может, будет еще несколько смен блюд?

Разумеется, рядом с тарелками лежали столовые приборы, которыми я понятия не имела, как пользоваться. Нет, конечно, есть вилкой и ложкой я умею, но какую из трех выбрать?

– Вы сегодня решили изменить обычным правилам, дорогая супруга? – спросил граф, небрежно подхватывая одну из ложек. Его сестрица сделала тоже самое и я, немного повременив, последовала их примеру.

– Как видите, – не стала отпираться я. Что еще за правила такие, которые граф, по всей видимости, нарушал, пока мог.

– Да, милая. Вы обычно предпочитали, чтобы на столе по-

являлось как можно меньше мяса, – золовка старалась выглядеть спокойной, но я видела, что она кривится, глядя в тарелку. И чем ей не угодил этот восхитительный суп?

– Вам нравилась такая диета? – я отложила ложку, сделав всего несколько глотков – точно так же, как сделала леди, – и в этот момент очень надеялась, что окажусь права и вскоре подадут второе блюдо.

– Разумеется. А вот дорогому братцу такой рацион не по вкусу, – золовка бросила короткий взгляд на графа, который, затеяв беседу, тут же отстранился.

Я из-под ресниц наблюдала за тем, как он изящно, но быстро и с явным удовольствием ест. Похоже, мяса в рационе ему и правда недоставало. Ну что ж, не вижу смысла мучить мужчину, а заодно и себя, по таким мелочным поводам.

– В таком случае, я подумаю о том, чтобы пересмотреть меню.

Как только я это произнесла, лакей за моей спиной сменил тарелку с супом на порцию не менее ароматного жаркого, судя по виду – из говядины – с гарниром из тушеных овощей. Что ж, голодать мне здесь точно не придется, и это радует.

Подглядев за мужем, я взяла нужные вилку и нож, но не успела вовремя отвести глаза и встретила с его задумчивым взглядом.

– Буду этому очень рад, – коротко сказал он и снова принялся за еду.

Его порция оказалась гораздо больше наших с золовкой,

хоть передо мной и стояла внушительная тарелка, едой из которой вполне насытился бы взрослый массивный мужчина. Стараясь не совсем уж откровенно заглядывать графу в рот, я с удивлением наблюдала, как он расправляется с мясом. Аккуратно, но будто бы жадно. И как заостряются черты лица, и без того выраженные довольно явно. И куда в него столько лезет? Суп ведь тоже подавали отнюдь не жидкий.

Расправиться с порцией второго я не сумела – банально наелась. И с чувством выполненного долга отложила приборы. Почти сразу же произошла третья перемена блюд, после которой передо мной носом возник десерт. Бисквит, пропитанный, судя по запаху, сливками, и политый сверху клубничным вареньем с крупными ягодами. Золовке подали такой же, а перед графом лакей поставил тарелку с холодной мясной нарезкой. Снова?

Когда муж, выбрав одну из бутылок, разлил по бокалам вино, и потянулся за очередным куском мяса, я начала понимать, почему Беатрис пыталась его ограничить. Наверное, ей такое пристрастие к еде казалось губительным, ведь она не знала, что ее муж способен превратиться в чудовище. Впрочем, и писательница уделила этому важному обстоятельству всего несколько страниц, и не посвятила ни одной сцены превращению графа. Фактически, она лишь постоянно упоминала о том, что граф – чудовище, и демонстрировала читателями его выживших, но ужасно искалеченных жертв. Если принять за истину, что граф действительно способен пре-

вернуться в чудовище, то, наверное нет ничего удивительно-го в его пристрастии к мясу. Пусть ест. Если бы для него это было опасно, сам бы скорректировал свой рацион.

– Ваше здоровье, дорогая, – Даркрайс приподнял бокал, его грани заиграли в солнечном луче, бьющем из окна.

Губы супруга тронула мягкая улыбка, и я на миг даже залюбовалась им. Но тут же напомнила себе, что если потеряю бдительность, то не успею сбежать в нужный момент, так что лишь прохладно улыбнулась в ответ и пригубила вино.

Красно, сухое, терпкое и с отчетливым фруктовым привкусом. Единственный раз я пробовала что-то такое в Италии, за счет винодельни, о которой писала рекламную статью. Не могу не признать, что у графа отменный вкус.

– И да, хотел вам сказать, что мои люди проверили сад. Там безопасно, вы можете прогуливаться, не обременяя себя обществом солдат, – вдруг добавил Даркрайс.

Я слегка удивилась теплоте, скользнувшей в голосе, но напрасно – когда я посмотрела на мужа, его лицо снова стало похоже на бесстрастную маску. Ну и ладно, новость-то он рассказал хорошую!

Сразу после обеда я, сославшись на духоту – хотя в особняке царил прохлада – выбралась в сад. Отослала горничную за шалью, и она скользнула в сторону комнат. А я, наконец оставшись в одиночестве, вдохнула свежий, как-то по-осеннему прохладный воздух, и поежилась от ветра. Решила, что стоять смысла нет, и углубилась по широкой тропин-

ке в дебри голых пока еще деревьев.

Главная моя проблема сейчас состояла в том, что я совершенно не представляю, что граф делал всю первую половину книги. В этом отрезке сюжета писательница рассказывала про главную героиню, про то, как она тяготилась ханжеским высшим обществом и как под видом молодого паренька сбегала в деревенский госпиталь при храме, где помогала больным и раненым – простым, небогатым людям. В столице она оказалась только во второй трети истории, там, в одном из пригородных поместий, и повстречала графа. До этого к ней – вернее, к мальчишке, которого она изображала – приезжали несколько богатых господ с рваными ранами, которые оставил огромный ужасный зверь. Позже выяснилось, что этот зверь и есть граф в облики чудовища.

Уже послезавтра мы отправимся в город, и велик риск, что муж встретится с главной героиней очень скоро. Так что, возможно, действовать придется быстро. С другой стороны, в книге упоминалось, что граф довольно часто бывал в столице и даже при дворе, где регулярно получал аудиенции у Ее Величества, значит, если мне повезет, то ближайший визит никакого влияния на сюжет не окажет.

Итак, значит, в столице мне придется повнимательнее прислушиваться к сплетням, а заодно придумать, чем я смогу зарабатывать на жизнь. Интересно, если ли в этом мире газеты? И если есть, получится ли у меня писать в одной из них? Хотя бы какую-нибудь дурацкую колонку по домашне-

му хозяйству? Или может, воспользоваться равнодушием и деньгами графа, и организовать собственный цех с парочкой печатных станков? Но тогда придется заранее позаботиться о спросе на свои газеты.

В раздумьях я не заметила, как сворачивала все глубже и глубже в неухоженную, почти заброшенную часть сада. Остановилась в тот момент, когда едва не ткнулась носом в обломок статуи. Девушка в легком платье, вырезанном из камня с таким мастерством, что казалось, малейший порыв ветра раздует тонкую ткань, протягивала вперед руку, вторая ее рука валялась в отдалении, в кустах, а тело выше талии лежало прямо под моими ногами, на земле. По шее бежала глубокая трещина, так что, наверное, стоило только дотронуться до головы, и она отвалится.

Интересно, каким образом сломалась эта статуя? Что за сила нужна, чтобы переломить пополам камень? Уж не граф ли бушевал здесь в облике чудовища? Может, зверел от нехватки мяса? Впрочем, это не более, чем домыслы.

Прямо за статуей я заметила дерево. Оно сразу приковало мой взгляд, стоило лишь поднять голову: ствол гнулся и ветвился, но возвышался почти на пол метра над всеми остальными деревьями. Толстые ветки росли на нем, и забраться по ним было бы легко, как по лестнице.

Я обошла статую и несколько мгновений стояла, глядя в мрачное небо, по губам уже скользнула плутовская улыбка, которая означала, что подсознательно решение я уже приня-

ла. Раньше я не была такой безрассудной, но ведь это всего лишь сон.

Подошла, коснулась руками чуть влажной коры, от которой исходил приятный землистый запах. Зашнуровала покрепче ботинки, на которые налипла прошлогодняя трава и земля, и, прихватив одной рукой подол, прикинула расстояние до ближайшей ветки.

Еще немного подумав, убрала назад пряди волос, которые выбились за день из низкого пучка, и поставила ногу на торчащий как ступенька корень. Оттолкнулась и, схватившись рукой за ветку, уперлась другой ногой в ствол.

Подошва обуви почти не скользила, а молодое гибкое тело будто только и ждало движения. Я поднималась легко, лишь иногда вздергивая подол юбки, чтобы поудобнее поставить ногу, и вскоре забралась так высоко, что могла оглядеть весь сад, бесстыдно-голый, еще не украшенный летней листвой.

Выше лезть побоялась – ствол у вершины становился тонким и слегка покачивался от ветра. Очередной его порыв ударил в лицо, отбросил назад окончательно растрепавшиеся волосы. Я захлебнулась свежестью и расхохоталась совершенно без причины.

Передо мной открылся мрачный, но по-своему очаровательный вид. Узкие тропинки бежали меж деревьев, которые, судя по разросшимся ветвям, не стригли уже много лет. Трехэтажный особняк из серого камня с декоративной башней у восточной стены символически отгораживался от да-

лекого хвойного леса лишь высокой кованой оградой, прутья которой стояли настолько широко друг от друга, что я при желании могла бы протиснуться между ними.

Широкая дорога вела от больших парадных дверей к воротам через круглую площадку с фонтаном, таким же серым, как сломанная статуя под моими ногами. Сейчас из него не била вода, а на чаше сидели и о чем-то громко спорили три черные вороны. К ним ковылял, прихрамывая, средних лет сухой мужчина в коричневых штанах и серой рубашке, с граблями наперевес – вероятно, садовник. Я затаилась в надежде, что он не станет поднимать глаза, но опасность таилась не вдалеке, а буквально у меня под носом.

– Леди Даркрайс, какого...

Граф не сумел подобрать слов, но и по интонации я поняла, что ему ужасно хотелось выругаться.

Поначалу я немного испугалась, но потом даже порадовалась тому, что муженек так вовремя оказался тут: пусть считает, что после того случая я начала сходить с ума. Когда начнет требовать развода, ему будет, что предъявить священникам в качестве дополнительного аргумента.

– Вам помочь спуститься? – спросил граф, кое-как справившись с эмоциями.

– Вам вовсе незачем так волноваться, я просто решила немного осмотреться. И прекрасно спущусь сама, – натянув на лицо беззаботный оскал, я помахала супругу рукой и в подтверждение собственных слов начала аккуратно спус-

каться, перебираясь с ветки на ветку.

– И как вам – графине – в голову пришла идея забраться на дерево?! – все сильнее распялся граф, однако внимательно следил за каждым моим движением, будто готовясь поймать, если вдруг свалюсь.

Нет уж, ни за что! Я справлюсь и сама.

Именно в тот момент, когда я была абсолютно уверена, что мне ничего не угрожает, платье зацепилось за ветку. Я очередным плавным движением собиралась опуститься еще ниже, но порыв ветра качнул ветку, она дернула за ткань и я, потеряв равновесие, все же полетела вниз.

Сжалась, готовясь к боли, но вместо нее ощутила только сильные руки графа. На несколько мгновений мы встретились взглядами – так близко, что даже неприлично – и я заметила, как вытягиваются его зрачки и заостряются черты лица.

Тут же вскочила на ноги и отбежала назад в надежде, что мне лишь показалось, но нет. Более того, всего за несколько секунд лицо мужа преобразилось еще сильнее: показались острые клыки под верхней губой, в волосах будто появились перья, и он немного согнулся, а пиджак на спине разбух. Кажалось, что вот-вот за спиной графа распахнутся сильные крылья, но этого не произошло.

Я стояла, забыв как дышать от ужаса, и во все глаза таращилась на жуткую трансформацию, которая, судя по гримасе боли, совершенно не доставляла удовольствия самому чу-

довищу. Но он, собрав остатки терпения, глубоко выдохнул и выпрямился, при этом зашипел, так что зубастый оскал я успела разглядеть по всех подробностях.

По коже промаршировало стадо мурашек, хотелось убежать отсюда как можно дальше, забиться в самый темный угол и остаться там навсегда – настолько угрожающим выглядел сейчас Даркрайс. Наверное, в тот момент, когда он окончательно становится чудовищем, с ним рядом вообще находиться невозможно. Проверять как-то не хочется. И злить его явно не стоит.

Я ожидала, что сейчас муж разразится тирадой о приличиях, но вместо этого он шагнул ко мне. Я попыталась отойти назад, но ноги одеревенели от страха, и я рухнула на землю.

Граф тут же оказался рядом, окинул беглым взглядом порванный подол моего платья и потянулся рукой к ногам, но я тут же вскочила и одернула юбку.

– Со мной все в порядке, просто запнулась, – поспешила заверить его я, опасливо поглядывая на когтистую ладонь – почти что лапу.

– Вам повезло, но вы могли серьезно пострадать! Не буду просить вас воздержаться от опасных приключений, но умоляю, хотя бы сообщайте о них мне, чтобы я мог вовремя вам помочь! – голос мужа походил почти на рык, и от одного его звука желание сообщать графу о чем бы то ни было стремительно улетучивалось.

– Это вовсе не обязательно, – пролепетала я. – Благодарю за беспокойство.

– Это обязательно, – припечатал супруг стальным тоном. – Я ваш муж, я несу полную ответственность за вас и ваше благополучие.

Я собиралась по привычке заспорить и сообщить ему, что мое благополучие – исключительно мое дело, но слова застряли в горле. Слева послышался какой-то шорох, и граф, быстро глянув в сторону источника звуков, скрылся из виду так стремительно, что я даже не успела заметить, в какую сторону он ушел. Меня обдало холодным ветром вперемешку с прошлогодними листьями, а в следующий миг на поляну выбежала камеристка.

– Госпожа! – глаза девушки округлились, когда она заметила грязь на рваном платье, но горничная не растерялась и быстро укутала меня в шаль.

– Все в порядке, – в очередной раз, как заводная игрушка, повторила я.

Пока возвращалась в поместье, принимала ванну и меняла наряд, слова мужа все никак не шли из головы.

«Я ваш муж и несу полную ответственность за вас». Почему-то мысль о том, что моя жизнь и благополучие зависят от такого чудовища, пугала гораздо сильнее перспективы собственной смерти. Я взрослая, можно уже сказать, старая женщина, и не так воспитана, чтобы перекладывать ответственность за свои поступки на кого-то другого. Нет, мне

это совершенно не подходит!

Приведя себя в порядок, я решительно отказалась от предложения камеристки немного отдохнуть и направилась в библиотеку. Там горничные уже развели бурную деятельность: вытащили книги из нескольких шкафов в дальнем углу и активно протирали деревянные полки. Заметив меня, девицы вытянулись по струнке в ожидании приказа.

– Продолжайте работу, – мимоходом бросила я и направилась к полкам.

Мне срочно требовалась книга с местными законами. Надеюсь, в этой сокровищнице такая имеется.

В поисках нужного тома я обнаружила два факта, один из которых меня порадовал, другой – огорчил. Приятная новость состояла в том, что я бегло читала на местном языке, совершенно не похожем ни на один из знакомых мне. Огорчил же меня тот факт, что книги стояли вразброс, совершенно без системы. Ни по алфавиту, ни по темам, ни по году издания они рассортированы не были, и если я хочу пользоваться этим источником знаний, то придется перебрать и систематизировать его.

Спустя пол часа книгу по местному праву мне отыскать удалось, но лишь благодаря случайности – я споткнулась об нее, когда направлялась к креслу, чтобы немного передохнуть. В итоге в объятая мягкой, но пыльной обивки я плюхнулась наперевес с тяжелым томом. Оглавления в нем не обнаружила, и пришлось битый час выискивать нужный мне

кусок текста.

Обнаружив его, я погрузилась в чтение. Горничные с моего разрешения зажгли камин и поставили за моей спиной подсвечник на длинной ножке. За окном темнело, и свет скакал по странице. Первое время при попытке читать я чувствовала, как начинает кружиться голова, однако вскоре привыкла и стала с интересом изучать местные бракоразводные обычаи.

Когда захлопнула книгу, небо уже усыпали звезды, но ничего похожего на луну среди местных светил я не заметила. Может, сегодня новолуние или ее просто не видно из этих окон?

Как бы то ни было, возвращаться в свою спальню я не спешила – хотела осознать все, что мне удалось вычитать. Откинулась на спинку кресла, вдохнула пыль и кашлянула – во рту пересохло от напряжения.

Итак, брачные законы для представителей высшего сословия сильно отличались от тех, которые применялись к бедным. У обычных людей все просто: вступление в брак с согласия родителей или жениха – если у него нет ближайших старших родственников. Развестись можно только при условии, если один из супругов окажется бесплодным или преступником.

Для аристократов правила посложнее: брак с согласия старшего в роду с обеих сторон. Беря девушку в жены, мужчина обязуется обеспечивать ее, а также ее родственниц жен-

ского пола, если они останутся без покровительства другого мужчины – более близкого родственника. Развод возможен, но для него следует соблюсти несколько условий.

Во-первых, для расторжения брака должна появиться веская причина. Недостаточно просто обвинить партнера в том, что он безумен или бесплоден – подобное заявление будет проверено священниками с помощью магии, и в случае клеветы лжеца могут обложить церковной немаленькой пошлиной. Во-вторых, если женщина все-таки бесплодна, то у нее обязательно должен быть источник дохода или капитал, на который она сможет существовать, либо пансионат, в котором ей обеспечено пожизненное проживание, либо другой родственник, который возьмет ее на содержание – будь то отец, брат или новый муж. Если же мужчина не хочет или не может расстаться с больной женой, то церковь разрешает ему объявить законным наследником ребенка, рожденного от другой женщины вне брака.

Просто так, по обоюдному желанию, супруги развестись не могут. Женщина вовсе не имеет права просить развода до тех пор, пока общество и власти не признают ее мужа полнейшим безумцем. Впрочем, такого никогда не случалось, так что объявить графа сумасшедшим у меня вряд ли получится. Выходит, для того, чтобы добиться развода законным путем, мне нужно искалечить себя и каким-то образом сделаться бесплодной?

При мысли об этом меня передернуло. Нет уж, так не пой-

дет. Уверена, в мире, где существует магическая медицина, это возможно, но все же – даже думать о подобном не хочется, особенно если учесть, что Беатрис – молодая, здоровая женщина. А ведь неизвестно, насколько долго я тут задержусь. Вдруг это и в самом деле параллельный мир, и после того, как я очнусь, главная героиня романа продолжит существовать здесь? Такой прощальный «подарок» я ей не оставлю.

Как всегда, долгие размышления вогнали меня сначала в состояние легкого потока, а потом – в дрему. И я не заметила, как снова заснула.

Через пелену забвения пробивался странный писк и запах хлорки.

– Разряд! – хриплый крик окончательно привел меня в чувство, но в следующее мгновение сознание заполонила жуткая боль. Я попыталась закричать, но из горла не вырвалось ни звука – лишь слабый, едва ощутимый выдох.

Глава 4

– Еще! – не унимался мужчина.

Голова раскалывалась неимоверно, я никак не могла вдохнуть, только открывала пересохшие губы. Страх липкой пеленой сковал грудь, вокруг суетились, топали, говорили, чем-то гремели люди, но – хоть краем сознания я понимала, что они пытаются спасти мою жизнь – хотелось, чтобы все просто заткнулись и оставили меня в тишине на несколько минут.

– Еще!

Я морально приготовилась ощутить очередную волну боли, но не почувствовала ничего. И от осознания того, что тело мне вовсе не подчиняется, стало еще страшнее. Тяжесть гранитной плитой легла на грудь, из-за духоты голову будто заполнял густой туман. И когда я почувствовала, что снова проваливаюсь в темноту небытия, еще одна фраза донеслась до меня издалека.

– Все, стоп, бесполезно. Отключайте аппарат.

Что?!

– Нет! – я распахнула глаза и дернулась вперед, однако чьи-то сильные руки удержали меня от падения.

Сердце лихорадочно билось, я никак не могла выровнять дыхание, но голова вдруг стала на удивление ясной. Что это

только что было? Неужели я увидела собственную смерть? Нет, быть того не может. Если так, то почему я все еще дышу?

– Могу поставить вас на землю, однако сомневаюсь, что вы удержитесь на ногах, дорогая, – мягкий голос прозвучал прямо над ухом, и я вздрогнула, вырванная из пучины мрачных мыслей.

Осознанно оглядевшись, я наконец заметила, что наглейшим образом еду на руках мужа по коридору, освещенному взошедшим-таки на небо ночным светилом – огромным, не в пример земной Луне, белым шаром, наполовину закрытым какой-то темно красной планетой. На нас удивленно поглядывалт слуги. Молодые горничные со смущенными, мечтательными улыбками опускали взгляды в пол.

– Вам так понравилось носить меня на руках? Могли бы просто разбудить, – фыркнула я, но скорее из вредности. Муж прав – ноги дрожат так сильно, что едва ли я смогу на них удержаться.

– Думаете, я не пытался? – холодно ответил супруг и вдруг притянул меня ближе к себе, едва ощутимо касаясь губами волос над ухом. – Нести вас – все равно, что набрать полные руки саамских колючек, однако я не мог доверить столь ценный груз кому-то другому.

– В таком случае я рада, что не доставила вам удовольствия, – не удержалась от ответа я.

Нахал! Впрочем, не равнодушен – уже радуется: из эмоци-

онального человека информацию вытащить проще, чем из спокойного.

Муж сжал меня еще сильнее, почти до боли, и мое возмущение еще больше возросло. Да что я ему такого сделала?!

Как только я собралась задать этот вопрос, по моему телу вдруг прошел легкий разряд тока. Граф вздрогнул и зашипел, но меня не выронил.

– Вижу, магия к вам вернулась, – процедил он сквозь зубы.

Я покоилась на лицо мужа: судя по сжатым в тонкую линию губам и напряженным скулам, ему в буквальном смысле больно держать меня на руках, однако он все же добрался до моих покоев, не высказав больше ни одной жалобы. Я же не могла думать ни о чем, кроме желания как можно скорее оказаться подальше от графа и хорошенько все обдумать: смерть, магия – слишком много всего за один день.

Когда муж уложил меня на кровать и рядом засуетилась горничная, взбивая подушки и поправляя одеяло, я отчетливо ощутила, как тепло мужских рук сменяется прохладой дорогой ткани, как свежий ветер путается в волосах. Слишком реально, чтобы быть просто коматозной фантазией. Да и... если я и в самом деле умерла, то мозг должен был просто отключиться, и это все закончилось бы.

Однако жизнь – в своеобразном ее проявлении – продолжалась. Граф не спешил уходить и сверлил меня задумчивым взглядом. Я ответила ему тем же, всматриваясь в зеленовато-голубые глаза. Будто в чем-то убедившись или придя

к какому-то выводу, супруг кивнул сам себе, развернулся и вышел.

Я решила, что анализировать его поведение буду потом, а сейчас откинулась на подушки и закрыла глаза. Сжала руками одеяло, провела по нему пальцами. Ткань быстро согрелась от тепла ладоней и тихо зашуршала.

Неужели, все это происходит на самом деле? Если так, то в том, своем мире, я погибла. Интересно, как будут выглядеть мои похороны? Заплачет ли кто-нибудь? Близких людей там у меня давно уже не осталось, а образ жизни как-то не предполагал детей или семью.

Прислушавшись к себе, я с удовольствием отметила, что по поводу прощания с прошлой жизнью не слишком переживаю. Я всегда любила перемены, и хоть никогда не мечтала оказаться в теле героини фэнтезийного романа, этот опыт казался мне интересным. Пугало другое – если я не подсучусь и не добьюсь развода, то моя новая жизнь оборвется так же стремительно, как и прежняя.

Ночью я почти не спала. Выгнала служанку, как только она помогла мне переодеться, заперла за ней дверь, упала на кровать и банально разревелась. Такого со мной не случилось уже лет пятнадцать, но сегодня слезы лились и лились бесконечным потоком.

Я и сама толком не знала, от чего именно мне стало так грустно: то ли от того, что я покинула знакомый мир, где я умная, сильная, свободная женщина, где у меня оставались

какие-никакие знакомые, надежды, желания и планы, то ли от осознания, в какую отвратительную ситуацию попала теперь. Мало прав, но используя их, придется и выведать, чем на самом деле занимался граф, и умудриться выжить, когда сюжет войдет в свою активную фазу.

Несколько раз я впадала в слабый полусон, но каждый раз с криком просыпалась – меня пугал вид нечеткой крылатой тени, которая будто преследовала меня во снах. Я убегала от нее, но никак не могла скрыться, она настигала меня и в лесу, и в горах, и на самой середине озера.

Естественно, утром я поднялась разбитая, с большой головой, и спускаться к завтраку не стала. Горничная на этот раз нарядила меня в кремово-розовое платье, по фасону похожее на то, которое я порвала вчера, но я едва ли даже заметила, сколько на мне сегодня юбок.

Бегло отдала экономке распоряжения на счет мяса в рационе супруга и уборки в библиотеке, а потом снова закрылась в комнате. Я чувствовала, что мне необходимо время, чтобы принять новую реальность. Или – свое окончательное сумасшествие.

Я медленно ходила по комнате, стараясь почувствовать каждое свое движение. Касалась деревянной мебели, вдыхала прохладный воздух из приоткрытого окна, и с каждым новым действием все сильнее убеждалась в том, что произошедшее – не сон и не безумие. К середине дня эта мысль перестала казаться мне дикой и пугающей, и к обеду я все-

таким спустилась.

С улыбкой отметила, что и граф, и Аннет оба довольны сегодняшним меню. Адриан снова отодвинул для меня стул – с тем же выражением холодной отстраненности на лице – и я приготовилась к бесполезному обмену любезностями, однако он выдал очень любопытное предложение.

– Дорогая, не желаете ли после обеда снова потренироваться в использовании ваших магических сил? – спросил он, и от холодно-безразличного «дорогая» у меня мурашки пробежали по спине так же, как в тот раз, в саду, когда он начал превращаться в чудовище.

А на счет магии – интересная идея. Получается, вчера вечером графу действительно было физически больно меня нести. Мог бы и бросить на полпути или приказать слугам носилки приволочь, но даже слова не сказал. Не хотелось бы, чтобы каждое наше случайное столкновение превращалось для него в пытку. Хотя, может, это стало бы отличной причиной развестись? Вполне вероятно. Но как бы то ни было, мне нужно понять, что это за магия такая, что я могу сделать с ее помощью и как ею управлять.

– Это было бы замечательно, – кивнула я.

Тут же заметила, как Аннет бросила на Даркрайса удивленный взгляд, потом внимательно посмотрела на меня, но спрашивать ничего не стала. Да что я опять сказала не так?! Неужели в этом мире женщины не обучаются магии, даже если она в них пробудилась? С другой стороны, если бы не

обучались, граф бы и вовсе не предложил мне тренироваться, ведь так?

Обед мы доедали в легком напряжении. Граф о чем-то раздумывал, Аннет то и дело бросала на меня взгляды исподлобья, а я чувствовала себя пешкой в шахматной партии, с помощью которой опытный игрок проводит сложную, непонятную противнику комбинацию.

Из обеденного зала я вышла в сопровождении мужа. Она галантно открывал все двери, которые нам попадались на пути к выходу – а их оказалось немало, так что в какой-то момент мне даже стало неловко от того, что он вынужден тягать тяжелые створки, будто лакей. Впрочем, сам Даркрайс выполнял этот жест вежливости, не меняя равнодушного выражения лица, и держался при этом так непринужденно, будто не делает совершенно ничего особенного.

У выхода из особняка в сад нас нагнала горничная. Граф забрал теплый жакет, который она несла, и сам накинул его мне на плечи. В этот момент я – впервые за всю свою долгую жизнь – почувствовала себя хрупким цветком, который нуждается в непрерывной заботе. Быть может, такое внимание и показалось бы мне приятным, но Адриан лишь действовал в рамках этикета, помогал лишь потому, что должен был помочь.

Сад встретил нас привычным запахом сырости и бледными солнечными лучами, которые то и дело пробивались из-за свинцовых туч. Граф взял меня под руку и едва заметно

поморщился. Если бы дискомфорт казался ему незначительным, он наверняка смог бы сохранить спокойное выражение лица. Но раз ему это не удается, значит, боль сильная.

Я почти силой вырвала свою руку из его хватки и отошла на шаг вправо.

– Нет никакой необходимости страдать ради этикета, вы ведь в собственном поместье, а не на светском приеме, – проворчала я, приподнимая ворот пиджака, чтобы защитить шею от холодного порыва ветра.

– В последнее время вы на удивление внимательны и великодушны, дорогая, – на этот раз «дорогая» прозвучало с едва заметным ехидством.

Я лишь пожала плечами и последовала за мужем по широкой тропе в ту часть сада, которую я вчера лишь видела с высоты.

Чем дальше мы уходили в заросли пока еще голых ветвей, чем менее ухоженными становились тропинки, тем отчетливее проявлялась в движениях графа почти звериная грация. Он, как ловкий хищник, бесшумно шагал по сухой траве, быстро и плавно огибал пока еще не подстриженные ветки, торчащие над тропинкой, и приподнимал их, помогая мне пройти. Один раз он обернулся и подал мне руку, чтобы помочь переступить через толстый корень, протянувшийся прямо поперек дорожки, но я демонстративно отказалась от помощи. Тем более, что она мне и в самом деле не требовалась.

Так мы и добрались до широкой площадки с беседкой, обвитой темными от влаги прутьями лозы. В ней оказалось просторно, ветер дул не так пронизывающе, в общем, для занятий место подходило замечательно.

– Судя по всему, после того, как вы пришли в себя, ваши силы несколько возросли, – начал граф, беря меня за руку.

Я попыталась отстраниться, но он сжал мою ладонь в своей – крепко, но осторожно – и, похоже, пытался с помощью этого жеста что-то понять. Не стала сопротивляться – лишь наблюдала за сменой эмоций на лице супруга от легкого удивления до мимолетной улыбки. И это при том, что он наверняка все еще испытывает боль. Удивительный мужчина, однако. В какой-то мере даже жаль, что я не успею узнать его получше – буду слишком занята нюансами развода с ним.

– Насколько я помню, раньше вы магии почти не обучались, – продолжил граф, и его слова звучали скорее как утверждение, чем как вопрос. – Ваша матушка, леди Бэйли, всеми силами старалась скрыть ваши способности, и все, что вы умели – это подавлять магию в себе, и развили этот навык до такой степени, что даже служители церкви не смогли распознать в вас обладательницу магических способностей.

Я из последних сил старалась сохранять спокойное выражение лица и изредка кивать, но мое удивление нарастало с каждым мгновением. Зачем граф это рассказывает? Если перед ним – его законная жена, то она и так обо всем этом знает. Или он делится с ней собственными выводами о тех

фактах, которые скрывала ее семья? Или... тут что-то другое?

– Вашу матушку можно понять – вы были единственной дочерью барона, и для того, чтобы сохранить род, ему непременно следовало выдать вас замуж. Если бы храм узнал о ваших силах, вас сразу же забрали бы в монастырь. Мне, пожалуй, стоит благодарить ваших родителей за то, что они сумели сберечь вас для светской жизни, однако я не одобряю их решения не обучать вас магическому искусству. И очень рад, что вы все же захотели учиться. Знаю, это не одобряется обществом, но будьте уверены, кроме меня об этих занятиях никто не узнает.

Хоть я пока что не понимала причин напавшего на графа многословия, но очень радовалась ему. Для меня – для Дарьи Борицыной – он выдал гору новой полезной информации. Теперь понятно и положение одаренных девиц, и проясняются правила с местной религиозной системой, да и фамилию родителей Беатрис я наконец-то узнала.

– Для начала я бы хотела вновь обрести способность скрывать эту силу, – заговорила я, как только супруг замолчал. – Ведь, если ваши планы не изменились, уже завтра мы направляемся в город, и я бы не хотела... создавать неприятности.

– Понимаю, – граф улыбнулся и шагнул ближе ко мне. – Вряд ли с помощью этой магии вы кому-то кроме меня причините боль, но шокировать светских дам, пожалуй, не сто-

ит.

Ага! Значит, моя сила конфликтует не со всем остальным миром, а только с графом, в котором течет демоническая кровь. Любопытно. Вот бы поэкспериментировать со взаимодействием демонической и «светлой», как называет ее церковь, магии. Может, когда-нибудь случай и представится, а сейчас надо сосредоточиться.

– Для начала представьте свою силу как множество ярких искорок, которые пронизывают все тело, – Даркрайс подошел так близко, что я снова чувствовала его дыхание на своих волосах, но говорил тихо и спокойно, без намека на нежность или – упасите местные боги – страсть. Однако руку мою все еще сжимал крепко – очевидно для того, чтобы сразу ощутить результаты моих усилий.

Я постаралась выполнить его указание и вскоре почти физически ощутила, как по телу бегут легкие разряды тока. Мне так и не удалось увидеть их, но я чувствовала, и не смогла бы подобрать точных слов, чтобы описать эти ощущения.

– Хорошо. Теперь заставьте силу сосредоточиться в какой-то одной точке тела. Например, только в руках, – спокойно продолжил Адриан, ободряюще сжав мои пальцы.

Я снова попыталась освободить ладонь из его руки, но он мне не позволил.

– Не волнуйтесь, вы меня не пораните. Пробуйте!

Пришлось послушаться, и волна электрического тока сначала нехотя, но потом все более податливо направилась в ру-

ки. Пальцы закололо от средоточия энергии, граф сжал зубы, но кажется, в какой-то мере даже наслаждался тем, что испытывает. Мазохист что ли? Или для демонов в этой энергии есть что-то особое?

– Теперь направьте часть силы в царапину на ноге, – посоветовал Адриан. Я подняла на него удивленный взгляд. Разве у меня есть на ноге царапина? Ах да, я же вчера падала. Кажется, на правой.

Чтобы выполнить очередное задание, мне пришлось даже прикрыть глаза. Энергия стала совсем ручной, и повиновалась любой мысли, поэтому требовалась очень сильно сосредоточиться, чтобы не ошибиться.

Нога и в самом деле немного заболела выше щиколотки, как только ее наполнила энергия. Но вскоре рана начала чешаться, и через несколько мгновений затянулась. Электричество ускорило регенерацию тканей? Или это не совсем та же энергия, которую мы называли электричеством на Земле? Скорее всего похожая по свойствам, но немного иная. Ладно, об этом лучше поискать какие-нибудь книги.

– Теперь соберите всю энергию в области сердца, так, чтобы за пределы тела не выходила ни одна ее крупница.

Может, мне показалось, но на миг голос графа стал теплее, однако обдумать столь странную перемену тона я не успела: пришлось снова выполнять указания. Меня испугала мысль о том, что придется так же жестко контролировать свои силы постоянно, но соприкоснувшись с сердцем, магия

влилась в его биение, пробежала по венам ободряющим разрядом и будто слилась с кровью, пульсируя по всему телу.

Я открыла глаза и отступила на шаг. Даркрайс на этот раз позволил мне разъединить наши ладони, но перед этим нежно, едва заметным движением, погладил мои пальцы.

– Отлично, у вас все получилось, – он прохладно улыбнулся и окинул меня довольным взглядом. – Теперь, я надеюсь, вы позволите мне соблюсти правила этикета.

С этими словами граф все же протянул мне руку и на этот раз повода отказаться я не нашла, пришлось взять его под локоть.

Мы сделали несколько шагов в сторону поместья, я удерживала себя от расспросов целую минуту, но кое-что спросить у Адриана все-таки решилась.

– Я могу с помощью магии исцелять других людей? – уточнила я, и тут же пожалела, когда внимательный взгляд мужа буквально пронзил меня насквозь.

– Боюсь, что нет. Прерогатива вашей силы скорее уничтожение, чем созидание. Вы можете поддержать свое здоровье, но передавая силу другим, скорее навредите им, чем поможете, – медленно ответил Даркрайс, все еще не сводя с меня глаз.

Черт, неужели я спросила что-то действительно глупое? Что-то, что его жене и так полагалось знать. Но ведь ее же не учили, с чего бы вдруг ей хоть что-то понимать в колдовстве?

Пока я металась в сомнениях, мы добрались до входа в

особняк. Только теперь я заметила, что хотя ветер остался таким же пронизывающе-холодным, я совершенно не дрожу, а легкие разряды тока все еще бегут от сердца по венам и обратно, согревая меня. И, что приятно, их совершенно не нужно контролировать: сила будто находится на своем месте – там, где ей и положено быть.

Остаток дня прошел в подготовке к поездке, а проснувшись утром, я внезапно осознала, что так и не попрактиковалась в езде верхом без лишних глаз. Беатрис, судя по гардеробу, отличная наездница, а я не забиралась в седло уже так давно. Если опозорюсь перед кучей народу, которая будет нас сопровождать, это будет странно. Ну да ладно, можно списать на последствия моего недуга, если что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.